

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СТРАНЫ В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО» СОЦИАЛИЗМА

© 2018

А.А. Гринько, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск (Россия)

Ключевые слова: Дальний Восток; «поздний» социализм; сельское население Дальнего Востока; повседневная жизнь сельчан-дальневосточников.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности повседневной жизни сельских жителей Дальнего Востока СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. в период так называемого «позднего» социализма. Сельская повседневность анализируется через призму общегосударственных тенденций и их проявления на региональном уровне. Отмечено, что противоречивые результаты государственной политики по отношению к советскому селу и восточной части страны находили специфическое проявление в жизни местных жителей. С одной стороны, уровень жизни сельчан возрастал: повышались доходы, развивалась социальная инфраструктура, появились возможности для разнообразного отдыха. С другой стороны, реальная жизнь не соответствовала тому уровню, который официально провозглашался властью, не была близка к городскому уровню жизни, что в определенной степени демонстрировало ущербность деревни и ее жителей. Свою роль играл традиционный уклад сельской жизни, а также все большие различия во взглядах на повседневность со стороны людей разных возрастов. Автор обращает особое внимание на причины, способствовавшие трансформации повседневности в рассматриваемый период. В частности, отмечается увеличение трудовой активности сельских женщин, постепенное превращение детей из помощников в иждивенцев, переход пожилого поколения на самообеспечение и обособленное проживание. Делаются закономерные выводы о том, что негативные процессы в динамике повседневной жизни сельчан-дальневосточников сочетались с позитивными, а также о формировании к середине 1980-х гг. в целом скептического отношения к сельской повседневности и стремления любыми возможными способами переместиться в городскую среду и закрепиться в ней.

ВВЕДЕНИЕ

Повседневность не так давно стала предметом социологического и исторического осмысления в нашей стране. В советский период ее отдельные элементы рассматривались отечественной наукой, но только в контексте позитивных изменений и как дополнение «основной» истории общества.

В настоящее время очевидно, что повседневная жизнь как индивида, так и социума должна находиться в фокусе изучения со стороны различных социально-гуманитарных наук, поскольку многие знаковые процессы и события в жизни нации, их причины и последствия проявляются в повседневности.

Период 1970-х – первой половины 1980-х гг. вошел в историю как время «застоя», «развитого» или «позднего» социализма. Вне зависимости от выбора названия эти годы оставили значительный след в памяти народа. Различные тенденции, зачастую противоречивые, формировали и видоизменяли повседневную жизнь советских людей. Повседневность была специфична и уникальна, она отражала естественные, зачастую консервативные, устои общества и одновременно менялась под воздействием государственной политики и объективных процессов общественного развития.

Своеобразной была ситуация, складывавшаяся в сельской местности Дальнего Востока. Сельское население региона было сравнительно молодым по среднему возрасту. Удельный вес лиц трудоспособного возраста достигал 60 % всего населения, что было больше республиканских показателей [1; 2]. Кроме того, население сел формировалось во многом за счет переселенцев из других местностей СССР [3, с. 161]. Эти особенности способствовали быстрому распространению новых явлений в жизни сельчан в силу

меньшей консервативности молодежи и отражали тенденции, характерные для страны.

Цель работы – анализ особенностей повседневной жизни сельских жителей Дальнего Востока СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Повседневность сельчан была тесно связана с их воспитанием и образом мыслей. Официальная идеология с раннего детства пропитывала практически всю жизнь советских людей. Строительство социализма, интернационализм, вера в непогрешимость партии и другие догматы прививались через школу, армию, участие в пионерской и комсомольской организациях. Многие прививаемые ценности были виртуальными, существовавшими только в официальных документах, другие – воспринимались исключительно для получения выгоды, третьи – искренне усваивались и играли позитивную роль.

Работа в государственных и кооперативных организациях отнимала значительную часть времени деревенских жителей. В начале 1970-х гг. около 40 % работающего сельского населения региона было занято в аграрной отрасли [4, с. 324–325]. Работники сельского хозяйства напряженно трудились большую часть года, а их трудовая нагрузка была выше, чем по стране. Работники других сфер экономики были заняты трудом, более равномерно распределенным в течение всего года, с фиксированной продолжительностью рабочего дня, отпуском, обязательными выходными днями. К началу 1970-х гг. за мужчиной сохраняется роль работника, приносящего доход в семью. Однако он становится не единственным «добытчиком». Произошла определенная «феминизация» состава сельских работников в результате

массового вовлечения трудоспособных женщин в экономику. Так, на юге Дальнего Востока процент женщин в составе работников совхозов вырос в рассматриваемый период с 38 до 45 % [5].

Оставшееся вне работы свободное время для дальневосточных сельских жителей на самом деле таковым практически не являлось. В дополнение к профессиональному труду женщина была обязана выполнять многочисленные домашние дела. По подсчетам специалистов, рациональная величина затрат на домашний труд должна была составлять не более 12,5 часов в неделю, а фактически они были в три раза выше [6, с. 212]. Развитие системы дошкольных детских учреждений, пришкольных кружков, домов детского творчества позволило взять на себя часть забот по воспитанию подрастающего поколения. Однако их ограниченное количество в сравнении с городом, большее число детей и другие факторы приводили к немалым затратам времени. На воспитание детей, контроль их учебы уходило, в среднем, 5–7 часов в неделю, хотя в каждой семье затраты времени были индивидуальны.

В 1970-х – первой половине 1980-х гг. на Дальнем Востоке личное подворье сохранялось у 90 % сельских семей, что требовало постоянного приложения сил [7]. Для пожилых людей ведение личного подсобного хозяйства (далее – ЛПХ) было традиционным и привычным делом. Однако в силу возраста, а также благодаря развитию материальной поддержки со стороны государства в виде пенсий и пособий, часть стариков сокращала размеры ЛПХ или полностью от него отказывалась. Происходило и изменение характера труда в личном хозяйстве. Центр тяжести сместился на более легкие работы, не требующие больших затрат сил и времени. Такой подход вызывался как ростом основного заработка, так и приходом на смену пожилым сельским жителям нового, молодого поколения. Молодежь, обладая высоким уровнем запросов, стремилась иметь больше свободного времени для отдыха. Для нее труд в подсобном хозяйстве являлся неприятной и вынужденной необходимостью. Для восполнения потребностей в пище сельчане занимались консервированием урожая. Важное место занимал и сбор природных богатств: ягод, грибов; лов рыбы и охота на диких животных. Официальная статистика по затратам времени на вышеназванные занятия отсутствует, но косвенно можно предположить, что летом и осенью на них уходило не менее 3–4 часов в неделю в расчете на среднюю семью.

В отличие от горожан жители сельской местности Дальнего Востока многие жилищные проблемы решали самостоятельно либо при поддержке колхоза или государственной организации, что, в любом случае, требовало серьезных затрат времени для содержания и ремонта жилья. Как в построенных, так и в строящихся домах качество было невысоким, имелось много недостатков [8, с. 136]. Температура в домах с централизованным отоплением нередко была очень низкой [9]. Центральное водоснабжение деревень также было развито слабо. Только 20 % райцентров региона имели такой вид благоустройства [10]. Отсутствие холодного водоснабжения заставляло тратить время на привоз воды из ближайшего колодца или на закачку из помпы. Сельчане предъявляли претензии и к домам усадебного типа:

«двери сделаны с большими зазорами, приходится подшивать планки. Доски полов обструганы скверно, рассыхаясь, образуют щели; стены заплесневели, крыша протекает» [11]. Проживание в домах «на земле» означало необходимость ежедневной и неоднократной «протопки» печи для обогрева и приготовления пищи, подогрева воды.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. благоустройство сельского жилья росло. Но, по сравнению с республиканским уровнем, села Дальнего Востока были обеспечены различными удобствами значительно хуже, особенно Амурская область. Ситуация осложнялась тем, что даже достигнутый уровень фактически оказывался ниже из-за перебоев в снабжении и длительности ремонта коммунальных систем [12, с. 129]. 2/3 дальневосточного сельского жилья по-прежнему оставалось неблагоустроенным. Только по обеспеченности электроэнергией жители села были близки к стандартам города.

В начале 1970-х гг. в повседневную жизнь сельчан дальневосточников начинает внедряться различная бытовая техника, в том числе устройства, облегчающие домашний труд и сокращающие затраты времени. Постепенно уходила в прошлое ручная стирка с помощью стиральной доски, и все больше людей приобретало стиральные машины, правда, с минимумом функций. Пылесос в доме также становился неотъемлемой частью быта. В целом, именно в рассматриваемую эпоху заметно вырос интерес людей к сфере потребления. Сельчане-дальневосточники обзавелись большей частью из имевшегося в торговле ассортимента бытовой техники, которая продолжала служить своим хозяевам и после распада СССР [13, с. 185].

Несмотря на рост потребления, многие товары не появлялись в свободной продаже. Тем более это касалось товаров длительного пользования. Такое положение было связано с издержками плановой экономики, которые не удавалось преодолеть. Естественно, что более всего от товарного дефицита страдали жители отдаленных сел. Затраты времени на поездки в другие населенные пункты были значительными. В частности, на одну поездку в областной центр Амурской области у сельчан южных и центральных районов уходило от 5 до 10 часов, не считая времени ожидания транспорта и перемещение в самом городе. Нехватка товаров, низкое качество имеющейся в торговой сети продукции вызывали недовольство среди сельчан. Жители отдаленных деревень отмечали, что «в магазине сельдь вонючая, конфеты старые, компоты давние. А в самом районе – там всякая рыба и все продукты, а у нас абсолютно ничего нет. И какое будет настроение здесь жить, если в магазин когда-либо подкинут рыбу или колбасу, то люди даже на работу не идут, стоят в очереди и ругаются, если кому не хватит, готовы убить друг друга, и коровы недоены остаются», «продукты в магазине не продают, считают, что в селе все должно быть свое», «чтобы купить какую-нибудь мелочь, надо простоять в магазине как минимум час-полтора» [14]. Согласно исследованиям, проведенным региональными органами статистики, до 80 % тружеников села предпочитали делать покупки в городах [15].

Получение услуг, например, фотографирование на документы или ремонт бытовой техники, посещение

учреждений здравоохранения, также требовали затрат времени. С конца 1960-х гг. в дальневосточных селах повсеместно открываются предприятия службы быта; мелкие деревни стали обслуживаться передвижным способом. В частности, к середине 1980-х гг. не менее 51 % сел Амурской области имели дом быта или комбинат бытового обслуживания. В других регионах ситуация была хуже. Так, в Приморском и Хабаровском краях до 70 % сел не имели бытовых учреждений и крайне редко обслуживались выездными бригадами [16, с. 26]. К 1985 г. общее количество бытовых учреждений в дальневосточных селах было меньше, чем в городской местности на 30 %, что выглядело сравнительно благополучно в рамках всей страны, где разница достигала 50 %. Однако сельская служба быта уступала городской по количеству и качеству предоставляемых услуг. Если сельский житель в 1985 г. в среднем получал 10 видов услуг, то городской – 25 [17, с. 116]. Во многих районах Дальнего Востока сельчане, чтобы воспользоваться услугами, были вынуждены выезжать в райцентры и города, расположенные на расстоянии до 40 км. Такие поездки не только отнимали их личное время, но и наносили ущерб производству, поскольку нередко происходили в рабочее время. Зачастую и сами райцентры представляли собой села с недостаточным уровнем инфраструктуры и низкой обеспеченностью разнообразными видами услуг. Центром оказания большинства услуг оставался город.

Люди были вынуждены приспосабливаться к различным деформациям социализма. Существование дефицита, относительно скромная зарплата, неразвитость социальной инфраструктуры приводили к естественному стремлению советских людей выходить из трудного положения различными способами, делали их практичными, экономными и дальновидными. Сельчане, как и жители городов, самостоятельно изготавливали те или иные необходимые вещи. Так, женщины зачастую шили одежду самостоятельно. Не от хорошей жизни многие жители Дальнего Востока самостоятельно выращивали пушных зверей (например, нутрию), выделывали шкуры, шили шапки, носили их, продавали на рынках и знакомым. Некоторые сельчане занимались сбором лекарственных трав, например ромашки или подорожника, для сдачи в аптеки.

И все-таки свободное время находилось. Для деревни, где круг общения был довольно ограничен, встреча у уличного колодца, «колонки» или родника являлась возможностью обменяться новостями и слухами. Вечерами мужская часть села играла в домино или лото. «Забить козла» – известное выражение того времени. Суть этого вида времяпрепровождения заключалась не в том, чтобы выиграть, а в том, чтобы обсудить новости, решить какие-либо вопросы или просто поговорить «за жизнь». Женщины вели подобные разговоры на злободневные темы на лавочках возле домов. Пожилое поколение, имея свободное время в большом достатке, также проводило его около дома. Этому способствовало развитие системы социального обеспечения. В частности, средний размер пенсий у колхозников Амурской области вырос с 16 руб. в 1970 г. до 50 руб. в 1985 г. [18]. У иных работников он был несколько выше. На фоне ситуации по стране пенсии сельчан-дальневосточников были больше, однако получение пенсии для

большинства из них не означало освобождение от труда в колхозе или совхозе. Минимальная поддержка государства не давала возможности сколько-нибудь безбедно прожить в деревне. Многие люди продолжали работать, не взирая на преклонный возраст и отсутствие здоровья. Подавляющее большинство занималось и своим подворьем: выращивало для себя и на продажу овощи, фрукты, ягоды, держало скотину, ходило в лес за грибами и ягодами. Этим пополнялся скромный семейный бюджет.

Рост отрицательных явлений в экономике страны проявлялся в увеличении потребления алкоголя жителями сел, который стал неотъемлемым элементом межличностного общения. Исследования, проводившиеся Институтом экономических исследований ДВО РАН в 1984 г., выявили, что на Дальнем Востоке уровень алкоголизации населения превышал в 2 раза аналогичные показатели в РСФСР [19]. Согласно архивным данным, в 1970-х – первой половине 1980-х гг. расходы на приобретение алкогольных напитков достигали 8 % совокупного расхода дальневосточной сельской семьи, а у пенсионеров – до 12 %. В 1970 г. семья тратила на покупку водки, вина, пива в среднем около 100 руб., а в 1985 г. – 220 руб. [20; 21]. Кроме того, сельчане употребляли кустарные спиртосодержащие жидкости, объективная статистика по которым отсутствует.

Уходила в прошлое и традиционная потребность сельской семьи в детях как потенциальных работниках и источниках доходов. В 1970-х – первой половине 1980-х гг. дети постепенно превращались в иждивенцев, главной задачей которых являлось получение образования в учебных заведениях разного уровня.

Молодежь большую часть свободного времени, оставшегося после учебы или работы, проводила вне дома. Природа и деревенская улица были основными местами, где молодежь находилась в свободное время. Летом дети уходили на реку или озеро, где купались и ловили рыбу, зимой катались на санках, лыжах, придумывали различные игры. В плане игр деревенская молодежь практически не отличалась от городских сверстников. Сравнительно высокий уровень патриотизма, прививаемый различными путями, проявлялся в том, что одной из любимых игр была война («войнушка»). Делились, как правило, на две команды: наших и немцев-фашистов. Дети посещали и внешкольные учреждения, имевшиеся в крупных селах или районных центрах, – дома пионеров, станции юных техников, станции натуралистов. Здесь, занимаясь в кружках, участвуя в смотрах и конкурсах, можно было самореализоваться. Нехватка магазинных игрушек приводила к изобретательству, как, например, тележки или самокаты, собранные из досок и старых колес. Персональное транспортное средство, велосипед, было мечтой детей из дальневосточной деревни. Впрочем, аналогичная ситуация была характерна для всей сельской местности страны. Несмотря на десяток основных моделей («Урал», «Салют», «Кама», «Школьник» и др.), производившихся в этот период, они были в дефиците на селе. Помимо велосипедов в позднесоветский период получили распространение и мопеды. Мопед был прост, потреблял мало бензина, хотя с техническим обслуживанием и ремонтом возникали проблемы, в первую очередь, из-за нехватки запчастей. В магазинах тогда было несколько марок мопедов: «Верховина», «Карпаты»,

«Рига» и другие. Обеспеченность мотоциклами, мопедами и мотороллерами в селах юга Дальнего Востока постепенно увеличивалась – с 25 шт. в начале 1970-х гг. до 45 шт. в середине 1980-х гг. на 100 семей [22]. Вместе с тем покупка некоторых видов товаров, таких как легковые автомобили, была практически невозможна для рядовых тружеников.

Центром притяжения сельских жителей оставался клуб. В деревне он был фактически единственным учреждением культуры. Однако клубная сеть развивалась медленно, имевшиеся учреждения зачастую требовали ремонта, их оборудование было скромным. Это еще и еще раз напоминало селянам об их «приниженности» по сравнению с городом. Огромной популярностью среди молодежи, вышедшей из детского возраста, пользовались танцплощадки, организуемые рядом с клубом, и танцевальные вечера внутри него. Одна из важнейших функций клуба заключалась в показе кинофильмов, так как телевидение только входило в быт сельчан. Посещение кинотеатра было нечастым явлением, особенно для детей. Поэтому любой просмотренный фильм активно обсуждался в течение нескольких недель. Наиболее активной в посещении кино была сельская интеллигенция и механизаторы. Однако немало было людей, кто совсем не ходил в кино. Это объяснялось не столько конкуренцией телевидения, сколько удаленностью сельских клубов, где демонстрировались фильмы, занятостью домашним хозяйством.

На селе продолжало оставаться популярным и радио, имевшееся в каждом доме. Для городского жителя радио было одним из источников получения информации, спутником отдыха; для деревни оно, зачастую, являлось единственной возможностью узнать новости, послушать песни, радиоспектакли.

Неотъемлемой чертой образа жизни дальневосточных сельских жителей оставалось чтение. Самым активным читателем являлась сельская интеллигенция, прежде всего учителя. Далее следовали механизаторы и квалифицированные животноводы. Чтение охватывало до 80 % взрослого населения села. Сельчане читали книги различных жанров. Большим спросом пользовались книги на военные темы, приключенческая литература, исторические произведения. Молодежь, а также квалифицированные работники, интересовались научной и учебной литературой. Большинство сельских семей имели личные библиотеки. Люди гордились своими приобретениями, выставляли книги на полках, в сервантах на видное место. Книги были одним из показателей уровня благосостояния семьи. Однако популярные книги – энциклопедии, приключения, фантастика, сказки – были дефицитом.

Многие семьи выписывали несколько наименований газет и журналов. Каждое периодическое издание ориентировало человека на преимущество социалистического общества и советского образа жизни. Это было важнейшей задачей любого журнала или газеты. Но кроме этого решались и иные задачи, способствующие формированию гармонично развитой личности – воспитание элементарного вкуса, позитивного отношения к окружающим людям и к жизни, уважение к старшим, сочувствие и сострадание. Традиционными газетами были всесоюзные «Правда», «Комсомольская правда», «Советская Россия» и местные издания, например, об-

ластная «Амурская правда» и районные «Зейские огни» (Свободненский район), «Амурский маяк» (Тамбовский район), или «Вперед» (Магдагачинский район). Многие женщины выписывали «Работницу» или «Крестьянку», а потом вырезали из этих журналов советы по домоводству, рукоделию и вязанию, рецепты. Были журналы, которые сельчане брали в библиотеке: «Огонёк», «Техника – молодёжи», «Вокруг света», «Сельская молодежь». Особое место в советской периодике занимала «Роман-газета», на страницах которой печатались классики советской литературы: Ю.В. Бондарев, М.А. Шолохов, В.В. Быков и другие. Немало изданий трудилось и над воспитанием молодого поколения. Среди газет популярностью пользовалась «Пионерская правда». Самыми любимыми журналами детей были «Мурзилка», «Весёлые картинки». Подросткам выписывали «Ровесник», «Пионер».

Потеснив чтение газет и книг, важное место в досуге людей занял просмотр телевизионных передач. Самыми популярными были программа «Время», где освещались новости страны, а также развлекательные программы – «КВН», «Что? Где? Когда?», «Песня года». «Семнадцать мгновений весны», «Двенадцать стульев», «Калина красная» и многие другие произведения советского кинематографа нашли заслуженное признание у сельского зрителя. Трансляции международных спортивных соревнований, где наши спортсмены достигали выдающихся результатов, смотрела, без преувеличения, вся страна. Особое значение имело телевидение в период праздников. В повседневности интересных программ демонстрировали значительно меньше, из-за чего «праздничная» телепрограмма особо ценилась населением. Длительное время телевидение было черно-белым и ограничивалось одним каналом Центрального телевидения. Но даже его смотреть могли далеко не все сельчане, а только те, кто проживал в крупных поселениях и обладал телевизором. В 1970 г. в Амурской области, например, начитывалось примерно 30 тыс. телевизоров с черно-белым изображением и механическим переключателем программ, однако абсолютное большинство из них находилось в пользовании городских жителей. На Дальний Восток только в начале 1980-х гг. пришло цветное телевидение и второй канал. В деревнях начинают появляться телевизоры с цветным изображением, правда, в ограниченном количестве: 5–8 шт. на 100 семей [23]. «Цветные» телевизоры с полным правом можно было считать предметом роскоши и зависти. Для того, чтобы их приобрести недостаточно было иметь солидную сумму денег. Необходимы были связи с нужными людьми, информация о месте возможного появления этого дефицитного товара.

Вслед за появлением телевизоров пришло время магнитофонов, которые постепенно становились главными атрибутами всех компаний, торжеств и деревенских дискотек.

У советских обывателей, в том числе и среди сельчан, были не совсем обычные, с современной точки зрения, развлечения в свободное время. Так, часть людей являлась фотолюбителями, которые не только фотографировали окружающую действительность, но и самостоятельно проявляли пленки, а затем печатали фотографии. Для всего этого, как минимум, нужен был фотоаппарат – еще одна дефицитная вещь для села периода «позднего» социализма.

ВЫВОДЫ

В эпоху «позднего» социализма повседневная жизнь в дальневосточном селе не отличалась большим разнообразием. Специфика деревенской жизни, когда большая часть времени уходила на работу, сравнительная скудность сельского бытия, дефицитность и многие другие факторы определяли поведение и особенности жизни людей.

В отличие от городских жителей сельчане были лишены возможности гулять по удобным тротуарам улиц, ходить в кинотеатры и музеи, посещать кафе и рестораны. Большинство сельчан было вынуждено тратить большое количество времени и сил на то, что для городских жителей не являлось трудностью, например, водоснабжение, приобретение одежды, получение фотослужб или посещение медицинских учреждений.

При этом нельзя не отметить то, что развитие государства и общества, появление новых технических средств привели к серьезным сдвигам. Благодаря развитию транспорта выросла возможность посещать другие населенные пункты, при сокращении затрат времени; в домах сельчан распространилась бытовая техника, облегчающая домашний труд и позволившая разнообразить свободное время; сельские жители начали перенимать городские способы отдыха и развлечений, например, любительское фотографирование. В первую очередь, прогрессивные тенденции наблюдались среди молодежи и квалифицированных работников, а также у партийных и советских руководителей, которые имели большие возможности по приобщению к современным веяниям.

К середине 1980-х гг. сельская повседневность во многом оставалась консервативнее городской и «модернизировалась» значительно медленнее. Повседневная жизнь заметно расходилась с идеологическими установками, представлявшими советский народ как единую социально-политическую общность, а политику государства как последовательное воплощение марксистских идей о социальной справедливости. Заметной становилась разница в качестве жизни разных групп сельского населения, в возможностях доступа к социальным благам. Все это обуславливало рост негативных тенденций в среде сельского населения Дальнего Востока и способствовало оттоку в города или другие регионы страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАХК. Ф. 719. Оп. 22. Д. 414. Л. 72, 79.
2. ГАПК. Ф. 131. Оп. 10. Д. 343. Л. 6.
3. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 260 с.
4. Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX–XX вв.: очерки истории / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Дальнаука, 1991. 422 с.
5. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 1290. Л. 12, 17.
6. Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1940. Л. 25.
8. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 240 с.
9. РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 17.
10. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 932. Л. 48, 77.

11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1090. Л. 4.
12. Показатели социального развития РСФСР, Дальневосточного региона, Приморского, Хабаровского краев и Амурской области за 1965–1987 гг. Хабаровск: Крайстатуправление, 1988. 211 с.
13. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (сер. 40–80-е гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 316 с.
14. РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 90. Л. 69.
15. ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 186. Л. 24, 55.
16. Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток: Дальнаука, 1981. 146 с.
17. Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока / отв. ред. С.В. Югай. Владивосток: Дальнаука, 1989. 216 с.
18. ГААО. Ф. 480. Оп. 8. Д. 2066. Л. 15, 25.
19. Архив Института экономических исследований ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 114.
20. ГААО. Ф. 480. Оп. 15. Д. 441. Л. 31, 41.
21. ГАХК. Ф. 99. Оп. 7. Д. 980. Л. 5.
22. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 6189. Л. 139.
23. ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 99. Л. 10, 14.

REFERENCES

1. GAKhK. F. 719. S. 22. File 414. Item 72, 79.
2. GAKhK. F. 131. S. 10. File 343. Item 6.
3. Rybakovsky L.L. *Naselenie Dalnego Vostoka za 150 let* [The population of the Far East for 150 years]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 260 p.
4. Krushanov A.I., ed. *Krestyanstvo Dalnego Vostoka SSSR v XIX–XX vekakh: ocherki istorii* [The peasantry of the Far East of the USSR in the XIX–XX centuries: essays of history]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1991. 422 p.
5. GAKhK. F. 374. S. 39. File 1290. Item 12, 17.
6. Geller M.Ya. *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. The history of the Soviet man formation]. Moscow, MIK Publ., 1994. 336 p.
7. RGAE. F. 1562. S. 47. File 1940. Item 25.
8. Vlasov S.A. *Zhilishchnoe stroitelstvo na Dalnem Vostoke (1946–1991 gg.)* [Housing construction in the Far East (1946–1991)]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2008. 240 p.
9. RGASPI. F. 591. S. 1. File 243. Item 17.
10. GARF. F. 374. S. 39. File 932. Item 48, 77.
11. RGASPI. F. 17. S. 153. File 1090. Item 4.
12. *Pokazateli sotsialnogo razvitiya RSFSR, Dalnevostochnogo regiona, Primorskogo, Khabarovskogo kraev i Amurskoy oblasti za 1965–1987 gg.* [Indicators of social development of the RSFSR, the Far East, Primorsky, Khabarovsk Territories and the Amur Region for 1965–1987]. Khabarovsk, Kraystatupravlenie Publ., 1988. 211 p.
13. Vashchuk A.S. *Sotsialnaya politika v SSSR i ee realizatsiya na Dalnem Vostoke (ser. 40–80-e gg. XX v.)* [Social policy in the USSR and its implementation in the Far East (mid 40-80s of the XX century)]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1998. 316 p.
14. RGASPI. F. 591. S. 1. File 90. Item 69.
15. GAAO. F. 480. S. 12. File 186. Item 24, 55.
16. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie dalnevostochnoy derevni (sovetskiy period)* [The socio-economic

- development of the Far Eastern countryside (the Soviet period)]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1981. 146 p.
17. Yugay S.V., ed. *Sotsialno-ekonomicheskiy analiz urovnya zhizni naseleniya Dalnego Vostoka* [Socio-economic analysis of the living standards of the population of the Far East]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1989. 216 p.
18. *GAAO*. F. 480. S. 8. File 2066. Item 15, 25.
19. *Arkhiv Instituta ekonomicheskikh issledovaniy DVO RAN*. F. 1. S. 1. File 1716. Item 114.
20. *GAAO*. F. 480. S. 15. File 441. Item 31, 41.
21. *GAKhK*. F. 99. S. 7. File 980. Item 5.
22. *GARF*. F. 374. S. 39. File 6189. Item 139.
23. *GAAO*. F. 480. S. 12. File 99. Item 10, 14.

**DAILY LIFE OF RURAL RESIDENTS OF THE RUSSIAN FAR EAST
IN THE PERIOD OF “LATE” SOCIALISM**

© 2018

A.A. Grinko, PhD (History), assistant professor of Chair of the Humanities
Far East State Agrarian University, Blagoveshchensk (Russia)

Keywords: Far East; “late” socialism; rural population of the Far East; everyday life of rural residents of the Far East.

Abstract: The paper presents the daily life of rural residents of the Soviet Far East in the 1970s and the first half of the 1980s – in the period of so-called “late” socialism. Rural daily life is analyzed through the prism of nation-wide trends and their manifestations at the regional level. It is noted that the contradictory results of the state policy towards the Soviet village and the eastern part of the country found a specific manifestation in the life of local residents. On the one hand, the living standards of the villagers were improving: their income was increasing, social infrastructure was developing, and opportunities for varied leisure time activities were created. On the other hand, the real life did not correspond to the level officially declared by the authorities and was not close to the urban standard of living, and that, to a certain extent, demonstrated the inferiority of the village and its inhabitants. Two things were essential – the traditional way of rural life and the increasing difference in views on everyday life on the part of people of different ages. The author pays special attention to the reasons which contributed to the transformation of the daily life of that period. In particular, there is an increase in the labor activity of rural women, the gradual transformation of children from helpers into dependents, and the older generation becoming self-sustaining and living isolated. The conclusions are drawn that negative processes in the dynamics of daily life of rural Far Eastern people were combined with positive ones; in general, a skeptical attitude to rural daily life was formed in the society by the mid-1980s as well as the desire to move in any possible way to the urban environment.